

Когда в тихой обители заводится любящий пошалить господин В., жизнь превращается в бесконечные американские горки: никогда не угадаешь, из какого угла он выскочит, чтобы до смерти тебя перепугать.

И пусть главной мишенью его проделок неизменно оставался угрюмый, вечно запертый в себе Булгаков, это вовсе не мешало господину В. при случае вовлекать в свой безумный балаган и всех прочих, кто подвернулся под руку.

Под этими «прочими», впрочем, чаще всего подразумевался безучастно сидевший рядом Аль-Хайтам, ну и изредка — совсем уж безвинные прохожие.

— Вам не кажется, мой дорогой друг, что я принёс немного тепла в эту ледяную обитель?

— Кипяток тоже горяч, однако прикасаться к нему — сомнительное удовольствие.

Сбежав наконец от пустой и утомительной грызни господина В. с Булгаковым, Аль-Хайтам без долгих раздумий направился в Московскую библиотеку.

Разумеется, своему нанимателю он представил благопристойный предлог — мол, желает «изучить передовые методы работы местных книгопечатников». Звучало солидно, но на деле Хайтаму просто до смерти хотелось оказаться как можно дальше от этой крякающей на все лады утки.

В конце концов, ментальная гигиена требует умения вовремя брать передышку, а лучший способ расслабиться — держаться подальше от источников шума.

Аль-Хайтам никогда не приносил собственный покой в жертву обстоятельствам. Куда проще было укрыться в жарко натопленном читальном зале, разыскать какую-нибудь занятную бумажную книгу, надеть наушники и полностью отгородиться от назойливого мира. Искусство столь простое и вместе с тем изящное, что бедняга Кавех не освоил бы его и за тысячу лет.

Впрочем, частить с подобными побегами не стоило: за каждую отлучку приходилось расплачиваться составлением подробных отчётов.

— Погоди... Вон тот, у окна...

Система невесть откуда вынырнула и, уютно устроившись на коленях Аль-Хайтама, принялась пристально разглядывать кого-то сквозь просвет под столом.

Её внимание привлёк бледный темноволосый мальчик с глубокими фиолетовыми глазами. Он

сидел, низко склонившись над Библией, и с недетской сосредоточенностью вчитывался в священный текст. Рядом высилась стопка книг в тёмных, почти чёрных переплётах.

«...»

Аль-Хайтам мысленно покачал головой. Похоже, он недооценивал аппетиты Системы, раз уж её цели обитали даже в тиши московских библиотек.

«И сколько сил ты вернёшь, если я закончу это?»

«Если возьмёшься — я мигом приду в себя».

Аль-Хайтам снова перевёл взгляд на мальчика. Ребёнок выглядел болезненным и чахлым. Сняв тяжёлое пальто, он остался в нескольких надетых друг на друга кофтах, сквозь которые всё равно угадывалась хрупкая, истощённая фигура. Время от времени он судорожно прижимал ладонь к губам, заходясь сухим, глухим кашлем, а затем вновь замирал над книгой.

«Беру».

Мальчик не отрывался от чтения, и Аль-Хайтам не спешил навязываться с разговорами. Разделённые несколькими рядами дубовых столов, они оба сидели неподвижно, словно два изваяния. Мимо сновали люди, скрипели половицы, шуршали страницы, а они оставались на своих местах с полудня до самых сумерек, погружённые в безмолвное созерцание.

Лишь когда гулкий колокольный звон возвестил о закрытии, мальчик аккуратно вернул фолианты на полки и направился к выходу.

Ввязаться в дело было проще простого, но Система никогда не подкидывала лёгких задач — её подопечные вечно оказывались ходячей катастрофой. Аль-Хайтам неторопливо пошёл следом за мальчиком. Дорога вела прочь от парадных проспектов, напрямик в лабиринт покосившихся, полусгнивших лачуг. В такое время года этот приют нищеты и порока казался особенно зловещим.

Мальчик ютился в убогой деревянной двухэтажке, где каждый свободный угол был забит бедняками. В полутёмном коридоре пахло гнилью и сыростью; из-за тонких дверей доносился звон дешёвой посуды, пьяная ругань и надрывный плач.

На загаженном крыльце, преграждая проход, сидел неопрятный мужчина. Лениво покачивая пустой бутылкой, он безразлично ковырял в ухе.

— Знаешь мальчика, что живёт за стеной?

Обитатель трущоб даже бровью не повёл. Тогда Хайтам молча достал несколько купюр и протянул их мужчине. Тот мгновенно выхватил деньги, осклабился и, мигом подобрев, пустился в откровения.

— Да уж, сиротинушка горемычный... — сосед покачал головой. И хотя его собственная жизнь немногим отличалась от собачьей, при упоминании мальчика на его потасканном лице проступило некое подобие жалости.

Из его путаного рассказа Аль-Хайтам сумел восстановить картину прошлого.

Отец мальчика когда-то был весьма уважаемым лекарем, но около года назад скончался при весьма странных обстоятельствах. Семейные земли тут же прибрали к рукам беспринципные соседи-помещики. Вернуть утерянное законным путём вдова не сумела, и ей не осталось ничего другого, кроме как продать последнее имущество и пойти в услужение, из последних сил пытаясь прокормить себя и сына.

Но судьба не поскупилась на новые удары. Женщина быстро надорвалась на тяжёлой работе и слегла с чахоткой. Чтобы оплатить бесконечные счета за лекарства, пришлось продать и убогий домишко. За год безуспешного лечения от прежних сбережений не осталось ни гроша.

— Кабы они испокон веку в грязи барахтались, так и ладно, привычно оно. А тут ведь — из господ да в канаву...

Родись этот малец в обычной нищей семье, он бы со своим хлипким здоровьем и младенчества не пережил — прибрал бы Господь за неимением денег на докторов. А теперь вот мается, мёрзнет в этих трущобах, не зная, дотянет ли до завтрашнего дня.

Тяжело падать с высоты. Когда привыкаешь к теплу и достатку, каждая минута в холодной яме кажется пыткой, ведь ты ежесекундно сравниваешь своё нынешнее убожество с прежним счастьем. Взрослые ломаются от такого в два счёта, что уж говорить о ребёнке.

Сосед покачал головой, явно предрекая мальчишке скорую кончину.

Впрочем, к смертям здесь давно привыкли. Зимой в этих краях мёрли пачками: кто от голода, кто от тифа, кто просто замерзал на улице. Одной сиротой больше, одной меньше — невелика разница. Судьба этого мальчишки застряла у пьянчуги в памяти лишь потому, что её трагизм служил отличной темой для досужих сплетен.

Сочтя долг выполненным, сосед прижал к груди мятые бумажки и поспешил скрыться в своей каморке, громко хлопнув дверью. Из-за косяка тут же донеслись восторженные приглушённые вскрики — нежданного богатства бедолагам должно было хватить на несколько буханок черствого хлеба.

Немного поразмыслив, Аль-Хайтам решил не спешить с личным знакомством.

Маленький Федя был дьявольски осторожен. Даже не видя преследователя, он интуитивно почуял чужой взгляд и тут же попытался запутать следы, петляя по грязным переулкам трущоб. Попытайся Хайтам забрать его прямо сейчас — столкнулся бы со стеной глухого, непреодолимого недоверия.

Поэтому он выбрал иную тактику. Раз в несколько дней Хайтам наведывался к их лачуге и оставлял на обледенелых перилах общего балкона свёртки с едой и лекарствами. Мальчик мог из гордости выбросить хлеб, но от дорогих порошков и микстур отказаться не смел: они были жизненно необходимы его угасающей матери, а платить за них им давно было нечем.

Посылки появлялись с завидной регулярностью.

Фёдор пытался расспрашивать соседей, но те лишь недоумённо разводили руками. Единственной зацепкой был высокий чужак, расспрашивавший о его семье в первый день.

Со временем мальчик оставил бесплодные попытки докопаться до истины и стал принимать таинственную помощь молча.

Зима крепла, сугробы росли с каждым днём. На первом этаже, где они обитали, сырость и ледяной сквозняк въелись в самые стены. Ни камина, ни угля у них не было. Приходилось жечь прямо на земляном полу принесённый с улицы хворост и сидеть у крошечного костерка, кутаясь во всё тёплое тряпье, что нашлось в доме.

Состояние матери стремительно ухудшалось. За эти полгода Федя воочию увидел, как некогда статная, цветущая женщина превратилась в живой скелет.

Лекарства облегчали её страдания, но исцелить угасающее тело были не в силах. Болезнь выжигала её изнутри; большую часть суток несчастная проводила в полузабытьи, едва находя силы шептать бессвязные слова.

Но однажды случилось странное. Собрав последние силы, женщина облачилась в своё лучшее шёлковое платье и вышла на мороз. Под недоуменными взглядами прохожих она, дрожа от холода в лёгком наряде, доковыляла до их прежнего, давно проданного дома, долго стояла перед ним, а затем повернула обратно.

Когда она вернулась в их убогую клетушку, Фёдор попытался накинуть ей на плечи старое латаное пальто, но она резким, злым жестом сбросила его.

Она подозвала сына к постели. На сердце у Феде кошачьим когтем скребнуло дурное предчувствие: мать вела себя непривычно тихо. Она не заставляла его читать наизусть священные тексты, не осыпала проклятиями — лишь молча сидела, вперив в него мутный,

лихорадочный взор.

Раньше её любимой забавой было заставить его зубрить Писание. Во время проверки она ловила каждый его вздох, буравя взглядом, словно готовая к броску гадюка. Если Федя выдавал текст без единой запинки, она, распаляясь от бессильной злобы, цеплялась к малейшей заминке, к лишней секунде паузы между стихами, чтобы разразиться исступлённой, безумной бранью.

Теперь же она медленно подняла исхудавшую руку. Пальцы её мелко дрожали в воздухе, словно нащупывая невидимую опору, и лишь спустя долгое мгновение бессильно упали вниз, мёртвой хваткой вцепившись в запястье сидевшего рядом сына.

— Федя... помни... всё, что я говорила тебе, помни. Никогда не забывай, — прохрипела она. Голос её, сорванный болезнью, походил на сухой шелест опавшей листвы, но пальцы сжались на запястье мальчика с неожиданной, пугающей силой, готовой переломить хрупкие кости. — Это наше искупление... Слышишь? Наше искупление!

— Да, матушка... — тихо отозвался Фёдор, покорно опустив веки. В эту минуту он казался на удивление кротким и послушным ребёнком.

Эта женщина, подарившая ему жизнь, теперь угасала у него на глазах — немощная, сломленная, переполненная лютой ненавистью к собственному детищу. Она была его палачом и наставником: именно она открыла ему Бога, вложила в его разум понятия о первородном грехе и каре небесной. И теперь она уходила за черту, цепляясь за его плоть своими костлявыми пальцами.

Наверное, ему следовало оплакивать её, но внутри не рождалось ни капли скорби. На душе было тихо и пусто, точно на зеркальной глади замерзшего сибирского озера. Ни одно слово умирающей не могло всколыхнуть этот мертвенный покой. То ли он от природы был обделён человеческим теплом, то ли слишком рано познал насилие вместо родительской любви, а может, просто давным-давно осознал простую истину: он действительно несёт в себе проклятие. Смертный грех, ввевшийся в саму его кровь.

Хватка матери ослабла, её измождённые пальцы безвольно соскользнули с его руки. Мутный взгляд затуманился, теряя фокус. Она бессильно завалилась набок, прислонившись спиной к сквозящей, покрытой инеем стене. Руки её судорожно переплелись на животе, а исхудалые персты слабо задвигались в воздухе, словно выписывая невидимые знаки.

«Она умирает».

Это не было обычным забытием, в которое она проваливалась прежде. Он смотрел, как её грудь содрогается от сухого кашля, который становился всё тише, пока не сошёл на нет. С её посиневших губ теперь срывался лишь бессвязный, едва различимый шёпот — она звала своих покойных родителей, умоляла о пощаде Господа.

«Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешную, ниже отступи от мене за невоздержание мое; не даждь места лукавому демону обладати мною, насильством смертного сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения... Аминь».

Творя эту безмолвную заупокойную молитву в глубине своей души, он провожал мать в её последний путь. Он лишь слегка изменил её суть: просил спасения не для себя, погрязшего в грехе, а для неё, измученной земными страданиями.

Пожалуй, за весь последний год это было единственное мгновение согласия между ними. Ни криков, ни взаимной ненависти, ни безумных проклятий — лишь тихая молитва, возносимая к небесам перед лицом неумолимой кончины.

Веки умирающей плотно сомкнулись, и шелестящий шёпот затих. Быть может, Небеса действительно услышали его безмолвный призыв: в самую последнюю секунду вечно хмурое, изрезанное морщинами страдания лицо женщины разгладилось. Губ её коснулась слабая, умиротворённая улыбка — она наконец обрела покой, освободившись от земного бремени.

Фёдор сидел неподвижно, не отрывая взгляда от бездыханного тела, пока комната окончательно не погрузилась в ледяной сумрак.

— Матушка... Господь никогда не внемлет моим молитвам.

Взгляд его потемнел. Закончив про себя последний стих, он посмотрел на застывшее лицо покойной. Она больше не могла его слышать, да это и к лучшему: его мысли были слишком кощунственны, и дойди они до её слуха при жизни, это лишь обрекло бы её душу на новые муки гнева.

— Бог бессилен покарать грешников, а потому карать меня вы пытались сами. Но такие, как я, обречены топтать эту землю дальше. Простите мне мою эгоистичность — я не последую за вами в небытие и не наложу на себя руки, даже зная, что врата рая закрыты для меня навек.

Она страстно желала его кончины — и в то же время хотела, чтобы он жил и мучился. Перед самой смертью её костлявая рука тянулась к его горлу, готовая сжать его мёртвой хваткой и лишить дыхания, но в последний миг она передумала, лишь глубоко вонзив ногти в его бледную кожу.

Федор скользнул взглядом по глубоким полумесяцам багровых ран на запястье. Свежие следы горели, точно клеймо, выжженное калёным железом. Скоро они затянутся, не оставив и следа. Словно ничего и не было. Точно так же и его грех — со смертью единственной свидетельницы он навсегда скроется от чужих глаз, став его личной, невидимой тайной.

— Бог оставил этот мир... А значит, Его место займу я.

Карать виновных, выжигать скверну дотла, а в самом сокровенном финале — оборвать собственное греховное существование.

Всю ночь Фёдор провел без сна, не смыкая глаз у остывающего тела. Когда серый рассвет робко заглянул в заледеневшее окно, в его мыслях билась лишь одна забота — как предать матушку земле.

Раздался негромкий, уверенный стук в дверь. На пороге стоял высокий мужчина с необычными пепельно-серыми волосами с зеленоватым отливом. При взгляде на него Фёдор ощутил странное облегчение. Это было чувство человека, который долго ждал неизбежного — и наконец дождался.

Они молча смерили друг друга взглядами. Затем Фёдор отступил в сторону, безмолвно приглашая Аль-Хайтама войти.

Хайтам скользнул взглядом по окоченевшему телу на постели. Выдержав паузу, он спокойно предложил мальчику свою помощь — пообещал взять на себя заботы о погребении и забрать его из этих трущоб.

Любой другой сирота на его месте разрыдался бы от благодарности и уцепился за этот шанс спасения. Но Фёдор медлил, взвешивая каждое слово незнакомца и лихорадочно просчитывая выгоду.

Его размышления прервал спокойный, холодный голос гостя:

— Твоя мать ненавидела тебя из-за того, что ты лишил жизни собственного отца?

Фёдор отчаянно попытался сохранить маску детского недоумения, но секундная тень, пробежавшая по его бледному лицу, выдала его с головой.

До этого момента у Аль-Хайтама были лишь смутные догадки, основанные на рассказах соседа и обрывках слухов. Но едва заметная дрожь пальцев мальчика и то, как хищно сузились его фиолетовые зрачки, окончательно развеяли все сомнения.

Этот ребёнок действительно убил своего отца. А мать, разрываясь между ужасом и слепой родительской любовью, до последнего вздоха покрывала его страшное преступление.

<http://bllate.org/book/18256/1755702>